

«Русская мысль»

— Голос —

КНИГИ И ЛЮДИ

«Мир и дар Владимира Набокова»

Первая русская биография

Под этим заголовком и подзаголовком московское издательство «Пенаты» выпустило в этом году монографию, посвященную жизни и творчеству снискавшего мировую известность автора «Лолиты».

Стоит сначала уделить внимание автору этой монографии Борису Носику. Его деятельность началась в 60-х годах на радио; сейчас он тоже делает передачи для русской службы Международного французского радио, под псевдонимом Василий Шишков. Он опубликовал много романов, повестей и киносценариев.

Монография о Набокове увенчивает свойственный Б.Носику жанр основанных на обильных исторических изысканиях повестей, в которых на редкость убедительно обрели новую жизнь люди, оставившие след в русской культуре, будь то универсально одаренный сынок Державина архитектор Н.А.Львов («РМ» №4059), мореход Н.Н.Миклухо-Маклай или поэты Жуковский, Бунин и Марина Цветаева.

Также уместно будет уделить внимание художнику этой книги Нине Песковой, о графическом даре которой свидетельствует воспроизводимая здесь суперобложка с фотографией писателя, образующей осмысленную композицию со стебельком дикой травы и мотыльком, что напоминает о сопутствовавшем его литературному творчеству живом интересе к ботанике и страстном собирании коллекции бабочек. Фотографии цветков, мотыльков и трав вносят также ноту подлихромии в нарочитый художественный беспорядок около 70 иллюстраций, имеющихся в книге, как бы небрежно набросанных, иногда по три, по четыре, на 38 отведенных для них страниц меловой бумаги. На них проходит главным образом вереница портретов пяти поколений членов семьи и родственников, от брата прадеда до сына писателя Дмитрия, продолжателя рода Набоковых.

В повествовании, первые главы которого носят фактологический, жизнеописательный характер, отведено подобающее место образам главных представителей рода Набоковых (частью это основано на автобиографическом очерке писателя) начиная с героя 1812 года Ивана, коменданта Петропавловской крепости, прозванного ее политическими узниками «добрым тюремщиком»; за ним следуют отличавшиеся либеральным духом и независимым — до бунтарства — темпераментом дед Дмитрий, министр юстиции, и отец Владимир, государственный деятель.

С волнением читаются страницы о гибели отца писателя в Берлине 28 марта 1922 года от пуль черносотенных фанатиков. На них воспроизведена и относящаяся к этому роковому числу «удивительная и страшная» дневниковая запись тогдашнего В.Сирин, сама по себе выглядящая как художественное совершенное литературное произведение. В нем чувствуется полная заботливой преданности любовь сына к родителям, но может быть также замечено, и эта любовь, и трагедия того рокового дня принимают в этом повествовании

роль «возбудителей переживаний» эгоцентрического порядка в богатом душевном мире автора.

Зато у читателя вызовет невольную улыбку беседа Б.Носика в Женеве с сестрою писателя Еленой Сикорской-Набоковой, пребывавшей в Праге в пору немецкой оккупации. Тогда ей как-то потребовалось (наверное, в связи с ее службой в главной публичной библиотеке) выдаваемое берлинскими экспертами на дела русской эмиграции удостоверение в «расовой полноценности» — и такое на ее письменное прошение пришло за подписью Петра Шабельского-Борка, убийцы отца.

Начиная с событий 20-х годов к тексту Носика применимо заявление Набокова (которое он приводит), что биография писателя — это прежде всего история его произведений. К моему большому сожалению, они почти совсем не входили в круг моего чтения, когда моя работа оставляла для этого больше свободного времени. Поэтому еще убедительнее рекомендую осведомленному читателю познакомиться непосредственно с текстами героя и автора красивой монографии, дошедшей также и до парижской книжной торговли, во всяком случае до магазина «Les Editeurs Réunis» на ул.Монтань Сент-Женевьев.

Пользнее для «набоковедения» будет, если я обращусь к своим личным воспоминаниям, если не о самом писателе, то о его семейном окружении.

Начну с того, что наши отцы оба были причастны к основанию Миллюковым, на исходе революции 1905 года, кадетской (т.е. конституционно-демократической) партии. К этому, наверное, времени и относится памятная мне весьма забавная серия открыток с карикатурными портретами тогдашних государственных деятелей, в которой проявил свой талант графика-юмориста известный собиратель и иллюстратор народных сказок Валерий Карик. Из них мне особенно ясно запомнился профиль глядящего вверх с важно надутыми губами В.Д.Набокова. Должно быть, в самом начале 20-х годов, когда советская пресса, издаваясь над русским зарубежьем, писала о Миллюкове: «за морем Павлушка-полушка», — моей отец, глядя на попавшуюся ему эту открытку, с улыбкой заметил: «Интересно, сохранил ли Набоков в эмиграции свою цветущую наружность?»

А в марте 1922 года весть о его убийстве нашла отклик на столбцах «Правды» или «Известий» за подписью принесшего на службу Советам свой талант хлесткого

Обложка книги.

журналиста, блиставшего в дореволюционных либеральных газетах под псевдонимом Оль-Дор (за транскрипцию не ручаюсь). Из его прохладного некролога помню только, что от Набоковых остался богатый особняк на Большой Морской.

Главное же место в моей памяти принадлежит младшим сестрам писателя, моим более-менее ровесницам Ольге и Елене. Обе они ходили в течение 1916—17-го (и, может быть, 1915—16-го) учебного года в петербургскую женскую гимназию моей бабушки Стоюниной, которая покинула Россию как старший член семьи философа Лосского в ноябре 1922 года, памятного массовой высылкой за пределы советской России ученых и литераторов. Когда поезд, везший из Штеттина в Берлин петербургских изгнанников, подошел к вокзалу немецкой столицы, на перроне их встретила большая группа пребывавших в ней россиян, и среди десятка «стоюнинок» были сестры Набоковы.

В Прагу, где мы обосновались с конца 1922 года, в осенние месяцы 1923 года почти полностью переехала и семья Набоковых, кроме Владимира Сирин, появившегося там только изредка. Не без помощи книги Носика уточню, что она состояла из оставшейся безутешной, по выражению сына, «словно окаменевшей», Елены Ивановны Набоковой (урожд. Рукавишниковой), дочерей Ольги и Елены, малолетнего сына Кирилла и их воспитательницы, прозванной «Тетик», подруги матери Евгении Карловны Гофелд. Не забудем и привезенного из Берлина семейного пёсика.

Чтобы существовать всем пятерым в Праге, им пришлось, по словам Носика, снять «довольно уютную квартиру, где стояли несколько стульев и диван с клопами». Так как в общение с нашей семьей не знавшая нас Елена Ивановна не вступила, об их пражском быте нам случилось быть осведомленными только через общих знакомых в критически-юмористическом духе.

Смеялись и над ее теперь известной из рассказов сына привычкой принимать для своих занятий (вроде раскладывания пасьянсов) полужащее положение на диване, и над вмененным ею детям, начиная с малыша Кирилла, в качестве правила приличия за обедом оставлять на тарелке кусочек мяса — не столько для угощения собачки, сколько как свидетельство о своем безразличном отношении к еде.

С обеими сестрами нам с братом также не довелось завести близкого знакомства. Раз только, вскоре по их приезде в Прагу, мы с ними провели как гости вечер в семье профессора Новгородцева, с нашим поколением которой были в

перемен, заявила, что С.В. покидает Чехословакию как крысы обреченный на гибель корабль.

После страшшего 14 марта рокового события (присоединения Судетов к Германии) в первые дни она с восторгом рассказывала, как водила своего Ростика на раздачу оккупационными властями местным «арийским» детям пищи и обуви (до того они якобы были лишены этого). Но очень скоро эта разыгравшаяся для объективов международной прессы и кино комедия прекратилась. А к началу 40-х годов случилось так, что добрый генерал семьи Набоковых, «Тетик», нашла себе и другим ее членам полезный заработок, поступив на службу к моей пребывавшей тогда в Праге жене в качестве няни нашей старшей (тогда еще единственной) дочери Марии. Об Ольге известно еще, что, заколов в фашизме, после войны она полностью отмежевалась от соотечественников, радовавшихся победе над его главарями.

Восходя к 1935 году, вспомню о нескольких встречах с юной Кириллой, следом за старшим братом проявившим себя поэтом. Одна из этих встреч произошла в театре, где гастролировала приехавшая из Франции русская балетная труппа «Базили», среди которой его восторженное внимание привлекала американская солистка, считавшая себя неким перевоплощением Анны Павловой и в честь этого выступавшая под комическим, чтобы не сказать дурацким, псевдонимом «Душа Лесприлова».

Что же до Елены Владимировны Сикорской-Набоковой, мне довелось в конце 70-х годов ее встретить, к сожалению, мимоходом, в Женеве, где она была известна как ревностная жрица памяти (для нее священной) своего брата Владимира Владимировича.

БОРИС ЛОССКИЙ

Париж

Борис Носик. Мир и дар Владимира Набокова. М., «Пенаты», 1995.